

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Маменькино утешение.

У бабули, маминой матери, юбилей. Родственники собрались. Мы с матерью тоже приехали. Отец отказался категорически. У них с маман последнее время отношения натянутые, не пойму с чего. Ну, а раз уж с маманей не контактит, то к родне тем более его не тянет. Мне тоже не особо по кайфу ехать, да пришлось. Почти сутки на поезде, потом ещё автобусом, да пешком сколько-то. Ладно хоть встретили на транспорте, всё не пёхом.

Все суетятся, варят, парят, готовятся. И меня припрягают. Ну уж нет, я на это не подписывался. Выбрал момент и срулил по тихой грусти, затырился в уголок и не отсвечиваю. Нам бы лишь день простоять, да ночь продержаться, а завтра уже не до меня будет, завтра пьянка. Книжку надыбал какую-то, лишь бы время занять, да и прилёт в предбаннике. Никто меня здесь искать не будет, не до бани всем. Это я так подумал. А тётка решила, что вечером просто необходимо в баню всем сходить, перед пьянкой отмыть трудовой пот. В баню зашла, а я вот он, тучочки уже. Пришлось воду носить, дрова, печку растопить. Зря, ох зря я решил, что это надёжное место.

Дело к вечеру, народ начал успокаиваться. Всё, что можно приготовить сегодня, готово, а то, что надо будет делать завтра, завтра и сделают. Так уж получилось, что в бабском коллективе я почти что единственный мужик. Тётка вдовая, вторая тётка в разводе, сестрички двоюродные кто ещё в возраст не вошёл, а кто и вошёл, ещё не замужем. Братень есть меньшей, да какой он мужик, коли нет и четырнадцати. Так что девки в баню гамазом, а я в гордом одиночестве. Нет, не совсем, с братишкой младшим.

Вот и завтра наступило. Гости, кто празднику рад, спозаранку начали съезжаться, сходитьсь. Охи, ахи, обнимушечки, поцелуи и прочая бодяга. Глупые восклицания типа: А как ты вырос! Кто на стол что-то носит, кто режет, кто чем занят. Сегодня не до меня. Мужики в тихушку приняли по стопарику, зажевали и сидят, курят, мировые проблемы обсуждают. Каждый не менее, чем председатель колхоза. Да нет, куда там, выше бери. Не иначе, как здесь собрались члены правительства. Вот интересно: скотину в стаде считают по головам, а правительство по членам. Ну, кажись, всё, за стол пора. Описывать деревенскую пьянку не получится. Кто не видел, тот всё одно не поймёт, а кто видел и принимал участие, тому и рассказывать нет нужды. Столы были накрыты в веранде, благо она у бабули огромная, свадьбу справлять можно. Поначалу все сидели чинно, пили, ели. Потом до песен дошло, а там уж и до плясок. Бабы дуреть начали, друг дружке подолы задирают, трусы смотреть. Это что-то типа забавы такой. Сколько себя помню, столько и видел это на очередной пьянке. И как тут мужикам не удержаться, не залезть бабе в трусы или в титьки. Визг, писк, мужикам по рукам бьют, но не по морде. Значит нравится. Грешен, сам принял участие, пощупал своих родственников. Разгорячился народ, мало просто ощупываний. И то одна, то другая парочка исчезали на какое-то время, потом возвращались с довольными мордами лица. Пьяные все, не до выслеживаний. Да и кто кому нужен. Пару-тройку раз увидел, как бабёнки стоят раком, спустив трусы.

Сам пил мало, не особо люблю это дело. Просто как-то в детстве едва не отравился нахряпавшись сладкой бражки. Тут приспичило отлить. Туалет у бабки уличный, типа сортир, обозначенный буквами ЭМ и ЖО. Причём и Эм, и ЖО сразу. Кто успел, тот и занял, а кто не успел, тот куда хочет идёт. Кто за сарай, кто за баню, а кто и в полисадник под

раскидистую черёмуху. Я за старую сараюшку пошёл. Она на отшибе, туда навряд ли кто пойдёт. Выскочил за угол и замер. Какая-то бабёнка стоит, наклонившись, трусы до колен, а мужик конец ей в пизду пристраивает. Не успел, я помешал. И бабёнка не какая-то, а моя собственная мамаша. Мужик штаны поддёнул и огородами свинтил, только его и видели. А вдруг жене кто доложит? Пьяная баба, да ещё частная собственница, ужасна своей непредсказуемостью. То ли посмеётся, то ли морду расцарапает, то ли вообще до смертоубийства дойдёт. Оно ему надо? А маманя выпрямилась, подол одёрнула, так и встала, трусы не подтянув. Был бы кто сторонний, так проще бы было, а тут сынок. Не убежать, не спрятаться. И стоим. Я и забыл, зачем шёл. Молчу. И она молчит. Только сколько не молчи, а что-то говорить, что-то решать надо. Мать раскрыла рот первой

— Сынок, ты чего здесь?

Блин, переночевать негде, решил за сараюшкой поспать. Или в прятки играю, детство вспомнив. Пожал плечами. А что отвечать? Мать поняла моё молчание по-своему.

— Отцу расскажешь?

Кашлянул, прочистив горло. От увиденного в первый момент просто во рту пересохло.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем рассказывать буду?

— Ну как же. Мать - блядина, раком стоит с чужим мужиком. Так?

— Не мне тебя судить.

— А кому? Отцу? Так он...Я...Да твой отец не может уже ничего, а я молодая, живая, мне надо!

Мать заплакала, всхлипывая и тыльной стороной ладони утирая слёзы. Действительно разница у них в возрасте лет поболее десяти. Да куда там десяти. Матери нет сорока, а ему шестой десяток на исходе. Не удивительно, что рога решила папеньке навесить. Да тут ещё водка, да дурачества бабьи. Вот и сложилось всё к одному. И что, мне ли судить? Не маленькие, пусть сами разбираются. А матушка продолжает

— Осуждаешь? Не молчи, я же

вижу, что осуждаешь. Думаешь...

Перебил

— Ма, откуда ты знаешь, что я думаю? Ты стала экстрасенсом, мысли читаешь?

Усмехнулась

— Ну, уж одну-то мысль я точно знаю. Иди ко мне. Не бойся, ближе.

Шагнул к матери. Она мигом положила руку на ширинку, сжала пальцы, улыбнулась, глядя мне в глаза

— Ну, что, угадала?

Не дав опомниться расстегнула молнию на штанах, спустила их вниз, прихватив попутно и трусы, взялась за хуй. Чтобы не вздумал рвануться, хотя и мысли такой не было от неожиданности в ступор впал, обняла за талию, притянула ближе. Ростом немного ниже меня, чтобы смотреть мне в лицо приходится задирать голову.

— А если у нас появится тайна, а, сын? Ты умеешь тайны хранить? Ну, скажи. Нет, не говори. Можешь разболтать своему отцу. Ну и пусть! Поцелуй меня. Нет, не так. Крепко, в засос.

Отпустив талию, охватила за шею, прижалась к губам, взяв их в плен, присосалась, проникнув

в рот языком. И куда мне деваться? Башню просто напрочь снесло, потерялся. Очнулся уже стоя сзади матери. Ёпть твою! Я же мамку ебу! Руки крепко держат полную попу, живот шлёпает по ягодицам, хуй доходит до конца, упирается в матку, выходит с чавканьем, снова погружается в жар материнского лона. А вот и приход. Замычал, кончая.

— Тише! Тише! Потихе, сынок!

Отпустил маму, стою со спущенными штанами, покачивает, в голове звон. Она развернулась, пошарила у меня в кармане, нашарила носовой платок. Сама ложила, как не найти. Вот и пригодился. Обтёрла меня, сма подтёрлась, бросила его в сторону, трусы подтянула, хихикает

— Стерва у тебя мать, да? - Одёрнула подол, подошла вплотную, трусы и штаны мне подтягивает. - Маленького одевала, сейчас вроде большой, а всё маме одевать приходится. Ну, что, будем тайну хранить?

— Мам...Я...

— Ладно, ладно. Понравилось с мамкой? Понравилось, вижу сама. И мне понравилось, сынок. Прости, что так вышло. Не буду я больше никого искать, когда у меня такой мужичок есть. Ну, пойдём?

Прижалась, взяв под руку, пошли к гостям. И кто в чём заподозрит мать с сыном? Да никто. Часть гостей ушли, часть уползли, а кого-то силы покинули полностью. Так что пришлось оставлять ночевать у бабули. Гулянка потихоньку затихала, уже и самые стойкие свалились. Мы с матерью пошли спать в предбанник. Тётя Нина постелила нам на диване, который, как помню, пережил не одно поколение родственников. Едва она ушла, мать мигом избавилась от халата, который надела вечером. Не в праздничном же платье спать. И я так же поспешно избавился от одежды. Обнялись, прижались друг к другу. Оба торопливо целуемся. Что под губы попадёт, то и целую. И титьки, прихватывая соски. И плечи. И лицо. А руки тискают самое желанное. И не только мои руки, мамины тоже. На спину повернулась, потянув меня на себя. Сама заправила, задрав ноги. И старенький диван заскрипел своими ревматическими суставами, запел свою песню. Думаю не мы первые лежим на нём. Если бы он мог говорить, рассказал бы многое.

Заснули голенькими.

Утром в двери затарабанили, заголосили. Тётка припёрлась. Мать накинула халат, отпёрла двери, успев мне шепнуть

— Ты спишь.

Тётка вошла, что-то затараторила. Мать шикнула на неё.

— Тише! Пусть мальчик поспит, устал вчерась.

Тётка заговорила тише.

— Да я чего пришла? Умыться надо, да подмыться. А он не проснётся?

— А что?

— Ну как что? Проснётся, а тут я с голой задницей.

— Ой, а ты уж и застеснялась! Нин, кому ты мозги пудришь? Раздевайся давай да иди. И я с тобой.

Зашли в баню, разговаривают, вода плещется. Пока они там подмываются, быстро нашёл трусы, натянул на себя. Теперь можно и проснуться. Тем более, что мать с тёткой в баню пошли голышом. Посмотрю, как тётка прореагирует. А никак. Вышла, увидела, что не сплю, утирается, будто меня и нет. Надела принесённые с собой трусы, лифчик, халат. Повернулась ко мне.

— Ну что, племяш, всё рассмотрел? - Сглотнул слюну. Всю ночь без передыха драл матушку, а тут на тётку встал, будто ночи той и не было. - Вижу, что понравилось. Или у тебя на мамку встал?

Ржёт, зараза. Тётка называется. Мать тоже одевается, прикрикнула на тётку

— Нинка, сучка! Не смущай мальчика.

— Ой, не могу, мальчика нашла. Да у мальчика уже в банку не влезет. Вон как торчит. Эх, кабы был не племяш, как бы я с тобой покувыркалась. Досуха бы выжала, ходил бы...Да нет, ползал бы без сил.

Мать шлёпнула сестру по заднице

— Иди, шалава ненасытная, не смущай тут ребёнка.

— Да иду уж. А сама-то насытная? Сестра ведь, не чужая, не обсевок. Мы же одинаковые. Помнишь...

Что надо вспомнить услышать не дали. Точнее мать не дала, прикрикнув на сестру

— Ну чего язык распустила, балаболка? Иди давай!

Похмельный день превратился в очередную пьянку. Вновь гости, вновь до самой ночи. А нам утром надо ехать, билеты на кармане. Потому спать ушли рано. Не совсем спать. Старый диван скрипел и стонал, а мы всё не могли насытиться друг другом. Завтра домой, а как сложится там, то никому неизвестно. Надо будет прятаться, урывать кусочек счастья.